

О.Г. ВОЛОТОВ

ОПЫТ ВЕНГЕРСКИХ РЕФОРМ. К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЯНОША КАДАРА

31 мая 2012 г. Отделение международных экономических и политических исследований (ОМЭПИ) Института экономики (ИЭ) РАН совместно с Институтом славяноведения РАН провели заседание “круглого стола” на тему “Опыт венгерских реформ”, посвященного 100-летию со дня рождения выдающегося венгерского политического и государственного деятеля Яноша Кадара. В работе заседания приняли участие свидетели реальных событий тех лет, дипломаты, ученые и журналисты.

Во вступительном слове Чрезвычайный и Полномочный посол РФ к.и.н. В.Л. Мусатов напомнил, что 26 мая 2012 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Я. Кадара. Уже 23 года прошло после его смерти, а дискуссии и споры о его наследии и месте в истории Венгрии все еще продолжаются. С ноября 1956 по май 1988 г. – Я. Кадар являлся первым (генеральным) секретарем ЦК Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП) и фактическим руководителем Венгерской Народной Республики после трагических событий 1956 г. Он взял на себя ответственность за восстановление законного порядка, последовательно проводил курс на устранение ошибок и преступлений, совершенных в ходе строительства социализма в предыдущий период, неустанно стремился к достижению национального согласия с целью создания социалистического общества, отвечающего национальным и историческим особенностям Венгрии и учитывающего мировой социалистический опыт. В 1960–1970-е годы он много делал для реконструкции и реформирования “реального” социализма, для дальнейшей демократизации общественного строя.

Венгрия под руководством Кадара обогатила общий опыт социалистических стран двумя крупными проектами – социалистическим переустройством сельского хозяйства и экономической реформой 1968 г. Коллективизацию деревни удалось провести лишь с третьей попытки – к 1961 г. Благодаря применению принципов материальной заинтересованности, добровольности и подбора руководителей из числа зажиточных крестьян и крепких хозяйственников были созданы госхозы с современными индустриально-производственными системами, многоотраслевой кооперативный сектор, осуществлена интеграция крупнотоварных форм с сельхозпроизводством в приусадебных и подсобных хозяйствах. В итоге Венгрия стала обеспечивать себя продовольствием и экспортировать его, в том числе и в Советский Союз. Сейчас многие бывшие коллективные хозяйства обанкротились, ощутимо возрос импорт продовольственных товаров.

Крупнейшим достижением политики Кадара была реформа хозяйственного механизма – экономическая реформа. К ней начали готовиться с 1957 г., обсуждая улучшения централизованного планирования и управления. Сейчас говорят, что Я. Кадар не был автором реформы, поскольку идеи исходили от членов Политбюро Р. Нерша и Е. Фока, а также группы ученых. Действительно, Кадар не был разработчиком реформы, но на нем лежала политическая ответственность за принятие финального решения, за выбор под-

---

Волотов Олег Григорьевич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики РАН.

ходящего момента для начала реформы, за подготовительные шаги и разъяснительную работу с союзными государствами и партиями, прежде всего с руководством КПСС.

Условия для проведения реформы созрели к концу 1965 г. До этого были изучены разные варианты реформирования: опыт СССР (реформа А.Н. Косыгина), Югославии, Польши, Чехословакии и ГДР. В Венгрии реформа вводилась с января 1968 г. Создавая “гарантийную подушку” для реформы, Я. Кадар добился в 1967 г. у Л.И. Брежнева разрешения на крупный кредит и увеличения поставок сырья и энергоносителей. В 1966 г. венгры зондировали в Москве возможность вступления в МВФ и Всемирный банк, но их попытки были пресечены в корне. Именно защищая свою реформу, Кадар был вынужден согласиться на участие Венгрии в “интернационалистской акции” социалистических стран в августе 1968 г. в Чехословакии, хотя с самого начала “Пражской весны” он выступал за политическое решение, вызывая острую критику со стороны В. Ульбрихта, В. Гомулки и Т. Живкова.

Академик О.Т. Богомолов обратил внимание на то, что в последние годы представители “околовластной” интеллигенции поносят опыт государственного строительства тех лет, стремятся выбросить опыт этого периода из нашей истории. Венгерскую хозяйственную реформу 1968 г. Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР, которым тогда руководил О.Т. Богомолов, всячески поддерживал, в то время как в ЦК КПСС она не нашла понимания, поскольку там боялись, что подобные преобразования подорвут основы социализма в Венгрии. Кстати, по тем же причинам захлебнулась в СССР и косыгинская реформа 1965 г., а впоследствии и М.С. Горбачев не воспринял идеи рыночных отношений и китайский опыт реформирования экономики.

Оценивая личность Я. Кадара, следует иметь в виду, что он честно и верно служил своему народу в тех конкретных исторических условиях, в которых ему довелось жить и работать. Если же сравнивать кадаровскую Венгрию и сегодняшнюю, то приходится признать, что нынешнее положение Венгрии намного хуже, чем при Кадаре. Сегодня костяк промышленности страны оказался в собственности иностранного капитала; сельское хозяйство, процветавшее во времена Кадара, прозябает, попав в затяжной кризис.

Ведущая “круглого стола” заместитель директора ИЭ РАН д.э.н., проф. С.П. Глинкина солидаризировалась с венгерским политологом и экономистом Т. Бауэром в том, что венгерская реформа хозяйственного механизма 1968 г. была единственной в странах СЭВ подлинной и до конца реализованной экономической реформой. Она продолжалась вплоть до 1980 г. В ходе реформы удалось найти приемлемую форму сочетания централизованного планирования и рынка, обеспечить гибкость цен, установить связь между внутренним и внешним рынками, усилить хозяйственные связи Венгрии с Западом, приступить к созданию совместных предприятий с участием иностранного капитала.

Важно, что, взяв курс на потребление и повышение уровня жизни населения, в Венгрии была легализована теневая экономика, было разрешено мелкое частное предпринимательство. Существенно возросла роль денег в жизни населения, появились стимулы для их зарабатывания, поскольку пошли в гору частное жилищное строительство, импорт легковых автомобилей, стали налаживаться зарубежный туризм, строительство дач на озере Балатон. Появился стимул больше работать и зарабатывать, широкое распространение получило совместительство. Стали формироваться самостоятельное мышление и поведение, соответствующие требованиям рынка.

Острую дискуссию вызвала оценка характера событий 1956 г. в Венгрии. По мнению д.э.н., проф. В.Л. Шейниса (Институт мировой экономики и международных отношений РАН) это была революция, ставшая контрапунктом в новейшей истории Венгрии, демократическое движение за обновленный социализм – социализм с человеческим лицом. Ни одна из сторон не выступала тогда за рынок или против социализма, ни о каком смягчении однопартийной системы не было и речи. Фигура Я. Кадара, безусловно, трагическая, но подлинным героем тех событий явился И. Надь. Правительство И. Надя сделало попытку выйти из соцлагеря и отказаться от монополии КПСС. Заслуга Я. Кадара состоит в том, что он минимизировал зло, но на его совести кровь И. Надя.

История взаимоотношений Я. Кадара с И. Надем, по мнению В.Л. Мусатова, весьма сложная. Кадар знал о связях Нады с НКВД, считал его – и не без оснований – “человеком Берии”. Надь имел отношение к аресту Кадара в 1951 г. В октябрьских событиях 1956 г. они были вначале вместе. Но в момент образования по инициативе Москвы нового “Революционного рабоче-крестьянского правительства” Надь не захотел облегчить задачу Кадару, хотя его об этом просили, не согласился уйти в отставку. Суд над Надем и его сторонниками не являлся только венгерской инициативой. Похоже, что в Венгрии нет документов, свидетельствующих о прямой причастности Кадара к вынесению смертного приговора Надю. Однако можно согласиться с теми историками, например с Я. Берецом, которые полагают, что Я. Кадар не приложил должных усилий к смягчению приговора и помилованию И. Нады. В любом случае из трагической тройки венгерских руководителей-коммунистов – М. Ракоши, И. Надь, Я. Кадар – именно последний сделал больше всего полезного для своей страны. Ведь фактически Кадар учел мнение народа и выполнил главные требования участников народных выступлений осени 1956 г.

К.и.н. А.С. Стыкалин (Институт славяноведения РАН) попытался развеять бытующий в западной литературе миф о том, что Я. Кадар исключительно под сильным давлением Москвы дал согласие на казнь бывшего премьер-министра И. Нады. В том, что именно Москва повинна в казни Нады, были уверены и левые на Западе. Однако краткая запись заседания Президиума ЦК КПСС от 5 февраля 1958 г. фиксирует действительную позицию Москвы: “проявить твердость и великодушие”, т.е. начатый процесс следовало довести до завершения, однако смертные приговоры вовсе не обязательны, поскольку могли испортить впечатление от советских мирных инициатив, адресованных Западу в те же месяцы.

В феврале 1958 г. Кадар оказался перед выбором: провести суд быстро, смягчив приговоры, или дожидаться момента, когда смертный приговор оказался бы более кстати для Москвы. Венгерский лидер пошел по второму пути. Проявив предельную жестокость в деле Нады (в общем, не свойственную этому прагматичному политику), Кадар окончательно выбил оружие у своих критиков слева, сторонников полной реставрации той системы, которая была решительно отвергнута венгерским народом в октябре 1956 г. Необходимо также иметь в виду, что Надь до конца своих дней персонифицировал собой нелегитимность прихода Кадара к власти и был в силу этого крайне неудобен для последнего. Смертный приговор Надю пришелся на самый апогей советско-югославской полемики, вызванной новой программой Союза коммунистов Югославии. Принятая весной 1958 г. на VII съезде этой партии, она была объявлена в Москве ревизионистской. Рассерженный на И. Броз Тито Н.С. Хрущев был теперь в принципе не против того, чтобы строптивый югославский лидер воочию увидел, как кончают свои дни некоторые из “ревизионистов”.

По мнению Чрезвычайного и Полномочного посла РФ И.С. Савольского, Я. Кадар – фигура трагическая. Он звериным чутьем чувствовал, что венгерский народ обижен, в нем не заживает “трианонская травма”, и с этим надо считаться. Союзнические отношения с Советским Союзом позволяли венгерскому народу не чувствовать себя “одиноким” в этом враждебном мире. При этом осознание того, что “Венгрия – самый веселый барак в социалистическом лагере”, позволяло сохранять самоуважение венгерской нации. Благодаря Кадару венгры понимали, что они могут неплохо жить и в социалистическом лагере, при этом все могут делать лучше, чем другие. Это являлось залогом сохранения внутривнутриполитической стабильности в стране.

Венгерская культуролог И. Кишш и Ю.П. Гусев (Институт славяноведения РАН) посвятили свои выступления культурной политике Я. Кадара. Руководствуясь принципом “делать максимум в пределах возможного”, Я. Кадар в 1957 г. выдвинул на руководство культурой своего соратника и друга Д. Ацела, известного пресловутой формулой “три Т”: поддержка, терпение, запрет¹, ими он руководствовался в своей работе

¹ По-венгерски: Támogatás, Tűrés, Tiltás.

в 1960–1970-е годы. Ацел явился той фигурой, которая должна была привлечь к социалистическому строительству интеллигенцию. Его деятельность характеризовалась прагматизмом, но в жестких идеологических рамках, и продолжалась вплоть до мартовского Пленума ЦК ВСРП в 1974 г., когда под давлением сил в партии, противившихся общественным и хозяйственным реформам, были отправлены в отставку идеологи реформ Р. Нерш, Й. Фок и Л. Фехер. Это означало и конец венгерской оттепели в области культуры, начало ее кризиса.

Касательно советско-венгерских связей, все участники “круглого стола” согласились с тем, что венгерский лидер был искренен в отношении к Советскому Союзу, постоянно уделяя много внимания укреплению и развитию межпартийных и межгосударственных связей с Москвой, тем более что зависимость Венгрии от Советского Союза в экономике и военной области была серьезной. Я. Кадар был поборником дружбы наших народов. В 1964 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза за вклад в борьбу против общего врага советского и венгерского народов – против гитлеровского фашизма и режима М. Хорти.

Особая тема – взаимоотношения Я. Кадара с руководителями КПСС: прежде всего с Н.С. Хрущевым (его “крестным отцом”), Л.И. Брежневым, Ю.В. Андроповым (с ним Я. Кадар поддерживал доверительные отношения и очень сожалел, что тому пришлось провести долгие годы во главе КГБ) и, наконец, с последним советским генсеком – М.С. Горбачевым. Кадар умел налаживать личные контакты с советскими лидерами, подходил к этому вопросу с позиции служения национальным интересам Венгрии. В переговорах с руководителями СССР он не был марионеткой, всегда находил приемлемую форму для выражения своей точки зрения, особенно когда она не совпадала с советской (например, по вопросу смещения Хрущева, интервенции СССР в Афганистан, роста военных расходов, размещения ракет СС-20 в Европе, путей реформирования СЭВ и отношения к перестройке).

Надо отметить, что и советские партнеры относились к Кадару с уважением, ценили то, что его политике были присущи принципиальность и в то же время реализм и гибкость, единство слова и дела. ВСРП доверили подготовку международного совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г. Кадар не был теоретиком (как-то он пошутил, что не сдал бы экзамен по марксизму-ленинизму в университете). В сфере идеологии он придерживался принципа борьбы на два фронта – против догматизма и против оппортунизма и ревизионизма. Возражал против тезиса о монопольном положении идей марксизма-ленинизма в обществе. Не торопился объявлять об окончательной победе социализма.

А.С. Стыкалин опроверг миф, бытующий в современной отечественной литературе и тиражирующийся из одной книги в другую, что Я. Кадар с самого начала пользовался поддержкой тогдашнего посла СССР в Венгрии Ю.В. Андропова, который якобы старался убедить советское руководство в том, что необходимо сделать ставку именно на этого политика. Отношения Андропова и Кадара были гораздо сложнее. Когда весной 1956 г. встал вопрос о кооптации Кадара в Политбюро ЦК Венгерской партии трудящихся (как известно, в 1951 г. Кадар был выведен из Политбюро, арестован на основании сфальсифицированных обвинений и три года находился в заключении), Андропов воспринял это крайне настороженно. Кадар в его глазах был своего рода “правым уклонистом” и человеком, дистанцирующимся от СССР, а потому в донесении в Москву, направленном в конце апреля 1956 г., он расценил предполагаемое восстановление Кадара в Политбюро как “серьезную уступку правым и демагогическим элементам”, угрожающую единству партии.

В Кремле к сообщению посла отнеслись весьма серьезно – Президиум ЦК 3 мая 1956 г. рассмотрел телеграмму Ю.В. Андропова и поручил курировавшему международные связи КПСС М.А. Суслову углубленно изучить положение дел в Венгрии. Суслов, побывавший в июне в Будапеште и встречавшийся с Кадаром, сделал свои собственные выводы, расхоdivшиеся с мнением посла. Вплоть до драматических октябрьских событий 1956 г. Я. Кадар не относился к числу людей, тесно связанных с

советским посольством, о чем можно судить по многочисленным записям бесед посла и его подчиненных с венгерскими функционерами. Только после того, как в начале ноября руководство КПСС (не без подачи Тито, с которым Хрущев и Маленков встречались на о. Бриони на Адриатике в ночь с 2 на 3 ноября) сделало ставку на Кадара, между ним и Андроповым установились корректные рабочие отношения, сохранявшиеся и позже, когда Андропов работал в новых должностях – заведующего отделом ЦК КПСС, ведавшего отношениями с социалистическими странами, секретаря ЦК КПСС, председателя КГБ, наконец, генерального секретаря ЦК КПСС и председателя Президиума Верховного Совета СССР.

В.Л. Мусатов отметил, что до 1985 г. Советский Союз проводил в отношении социалистических стран политику патернализма, опекал своих союзников. После “ползучей контрреволюции” в Чехословакии и смены В. Гомулки в Польше настороженность руководства ЦК КПСС по поводу реформ и нововведений в соцстранах ощутимо возросла. Это касалось и Венгрии, откуда поступала информация об обострении дискуссий относительно политических последствий экономической реформы.

В феврале 1972 г. в ходе неформальной встречи в Завидово Брежнев откровенно высказал Кадару свои “товарищеские замечания” по поводу характера экономической, социальной, внешнеэкономической и кадровой политики ВСРП, включая и состав Политбюро: дескать, мы тебе, Янош, верим, но ты посмотри, куда идут дела. Не ослабляется ли руководящая роль партии? Не забыты ли интересы рабочего класса? Чего добиваются некоторые твои коллеги?

Кадар постарался объяснить трудности, с которыми столкнулась Венгрия. Он принял к сведению слова Брежнева, но особых обещаний не давал. Для него в тот момент главное состояло в том, что руководство Советского Союза по-прежнему оказывало ему доверие. Докладывая на заседании Политбюро о встрече с Брежневым, Кадар критически отозвался о некоторых оценках советского генсека, но с рядом его замечаний, особенно об обстановке в партии и положении в социальной сфере, об увеличении после 1968 г. разрыва в доходах у рабочих и крестьян, согласился, отметив, что и сам так думает.

Дискуссия на этом заседании Политбюро подтвердила наличие в партии трех различных подходов к оценке сложившейся обстановки и практическим шагам: реформисты, центристы и левые (так называемая рабочая платформа). Кадар предложил провести в ноябре 1972 г. пленум ЦК о реализации решений X съезда ВСРП, т.е. формально в повестке дня вопрос об экономической реформе не стоял, но в партии дело было понято именно так. Поскольку Кадара критиковали за рост внешней задолженности, он направил Брежневу письмо с просьбой оказать Венгрии помощь – принять больше товаров традиционного венгерского экспорта, выделить больше сырья и энергоносителей, чем это было согласовано при координации народнохозяйственных планов, согласиться на снижение нагрузки в сфере оборонных расходов, отсрочить погашение полученных ранее кредитов на закупку советской военной техники. В марте 1972 г. эти проблемы были обсуждены на переговорах в Москве двух глав правительств – А.Н. Косыгина и Е. Фока.

Со второй половины 70-х годов начали нарастать экономические трудности, усилилось негативное влияние мировой экономики, продолжался рост внешней задолженности Венгрии. На обслуживание долга уходило более 3 млрд. долл. в год. В условиях нефтяного кризиса Советский Союз был вынужден поднять цены на нефть. Экстенсивные методы модернизации народного хозяйства были исчерпаны. Наступал новый этап развития, а социалистические страны все больше отставали от требований научно-технической революции, структурные реформы задерживались, передовые технологии были в дефиците. Коллективные интеграционные меры, предпринимаемые по линии СЭВ, не приносили результата.

В Венгрии замедлился рост ВВП; программы стабилизации экономики, разработанные в 1987 г., принесли лишь частичное улучшение ситуации. Новые варианты действий в рамках экономической политики запоздали на несколько лет. Кадар долго не

решался на смену социальной политики, пытался ограничиться полумерами. Усиление диспропорций в экономике, необходимость выплаты долгов вели к падению уровня жизни, что приобретало политический оттенок, было чревато нарушением национального консенсуса. Бремя трудностей легло на плечи трудящихся. В 1988 г., впервые за последние десятилетия, в стране на 4% сократился уровень потребления населения, а реальная зарплата, сократившаяся на 7,4%, опустилась до уровня 70-х годов.

Видел ли эти тревожные сигналы Кадар? Несомненно. В поисках финансовых ресурсов Я. Кадар попытался сблизиться с ЕЭС, но канцлер ФРГ Г. Шмидт, с которым приватно советовался венгерский руководитель, не рекомендовал ему делать эти шаги, чтобы не раздражать Советский Союз. Вступление Венгрии в МВФ и Всемирный банк в 1982 г. дало только временные выгоды. Западники предоставляли кредиты Венгрии, но их условия ухудшались и стали сопровождаться пожеланиями либерализации режима власти. США и другие западные партнеры начали прозрачно намекать на необходимость плюралистической демократии, вовлечения оппозиции в процессы управления страной. После 1985 г. Кадар был готов принять помощь от Советского Союза, он обсуждал с Горбачевым этот вопрос. Но выяснилось, что Советский Союз, переживавший свои трудности, усугубленные перестройкой, не в состоянии предложить Венгрии ничего существенного.

В перестройке Кадар увидел сначала шанс обновления социализма. Однако практический ход преобразований в Советском Союзе вызвал у него, многоопытного и осторожного политика, большие сомнения. Он их не скрывал, говорил, что Горбачев не понимает свой народ, нельзя строить политику на разрушении. Будучи в преклонном возрасте, пройдя пик своего влияния, с опозданием поняв, что его время ушло, Кадар пытался перед уходом в отставку внушить соратникам необходимость большей осмотрительности, лучшей координации экономических и политических преобразований, более полного учета национально-исторических особенностей, модернизации сотрудничества соцстран, сохранения партийного единства и продвижения вперед на базе преемственности и обновления политики. Видя ослабление Советского Союза, он говорил о необходимости более быстрого сближения с Китаем. Горбачев, списавший Кадара, отмахивался от таких советов, особенно после событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь в Китае.

Под влиянием нарастания кризисных явлений внутри ВСРП и в обществе назрела необходимость перемен и на высшем уровне, заговорили о выдвижении более молодых руководителей. Кадар не сразу среагировал на эти настроения. Кадар утверждал, что в стране нет кризиса, есть отдельные трудности, но надо лучше работать, обвинял СМИ в раздувании проблем. Умно рассуждая о необходимости безболезненной смены главного руководителя в соцстранах, он сам и его политика стабильности становились препятствием на пути обновления Венгрии. Только к лету 1987 г. он решился на смену премьер-министра, выдвинув молодого и энергичного политика К. Гроса. После поездки в Китай осенью 1987 г. у Кадара появилась мысль занять в политической жизни место, подобное положению Дэн Сяопина в Китае. Но в Венгрии были другие политические традиции. В конце 1987 г. антиправительственная, внесистемная оппозиция прямо потребовала его ухода.

“Старик”, как его называли в партии, тянул время, поскольку не видел преемника. В конце 1987 г. он все-таки принял решение о проведении весной 1988 г. партийной конференции с частичным обновлением состава ЦК. М.С. Горбачев, провозглашавший принципы свободы выбора и невмешательства в дела братских партий, пришел к выводу о необходимости смены руководителей в некоторых соцстранах (на том этапе – в Венгрии, Чехословакии и Болгарии), так как нуждался в союзниках для своей политики перестройки. При всем уважении к Я. Кадару он после визита в Будапешт летом 1986 г. отмечал, что венгерский лидер не разделяет его идей перестройки, все более критично оценивает ход дел в Советском Союзе. Но в разговорах с Кадаром в 1986–1987 гг. Горбачев в своей обычной манере только делал намеки на необходимость учета вызовов эпохи, призывал его беречь силы, больше отдыхать.

Однако осенью 1987 г. он поручил члену Политбюро, секретарю ЦК В.А. Медведеву и зампреду КГБ В.А. Крючкову проследить за сменой высшего руководства в Венгрии. В Москве не хотели обижать Кадара, понимали, что он не может уйти как провалившийся политик. Но из Будапешта от Гроса и из других источников шла информация, что Я. Кадар думает об уходе на отдых, но не ранее очередного съезда партии. Были предприняты совместные шаги по ускорению событий. Когда перед майской партконференцией 1988 г. Кадар позвонил Горбачеву и сообщил, что на конференции он перейдет на вновь создаваемый пост председателя партии и не останется в составе Политбюро, советский лидер, давно знавший об этом варианте, сказал, что Кадар, как всегда, принял мудрое решение. Это был их последний разговор. После партконференции, завершившейся выводом из состава ЦК и Политбюро почти всех соратников старого руководителя, Кадар попросил передать Горбачеву, что его планы плавного обновления провалились из-за “заговора и предательства партаппарата”.

После партконференции Кадар, избранный на декоративный пост председателя ВСРП, генсеком стал Грос, остался в одиночестве. На его глазах рушилась социалистическая система, ради которой он трудился всю жизнь. Прежние соратники “качались, как тростник на ветру”. Помощи извне, от Советского Союза, ждать не приходилось. Его советы о гармоничном сочетании политических и экономических преобразований, о сохранении единства высшего руководства не были востребованы преемниками. К тому же состояние его здоровья ухудшалось, а в партии назревали кардинальные перемены. Новое руководство взяло курс на политический плюрализм, вело дело к многопартийности и созданию экономики смешанного типа. Под давлением оппозиции ВСРП отступала, центр принятия решений переместился в правительство. Решения майской партконференции дали только временную передышку. Попытка реформаторского крыла пересмотреть оценки событий 1956 г., назвав их “народным восстанием”, обернулась фронтальным наступлением на политику ВСРП, призывами к реабилитации Надя. Когда усилились атаки оппозиционных сил, стремившихся отстранить ВСРП от власти, Горбачев и некоторые руководители соцстран приглашали Кадара приехать для отдыха и лечения. “Старик” отказался; вероятно, ему вспомнилось, как в июле 1956 г. уезжал Ракоши, попав в итоге в многолетнюю ссылку в СССР.

Новое руководство ВСРП не знало, что делать с Кадаром, поскольку нападки на него за подавление восстания 1956 г., за наказание участников вооруженных выступлений и за смерть Надя множились. Попытались уговорить Кадара высказаться для общестественности по всем острым вопросам политики после 1956 г. Но, встретившись пару раз с журналистом, больной Кадар от дальнейшей работы отказался, вероятно, опасаясь искажений и использования написанного материала против него в случае вероятных судебных разбирательств. Он отчетливо понимал, что его делают “козлом отпущения”. Руководство ВСРП начало все более дистанцироваться от Я. Кадара и его политического наследия. Нельзя исключать, что в разрыве с Кадаром реформистским силам виделся шанс спасения партии, ее дальнейшей трансформации в социал-демократическую.

Грос, позиции которого в руководстве партии слабели, периодически беседовал с Кадаром, пытался как-то оградить старого патрона от неприятных сюрпризов действительности – приближались судебная реабилитация и торжественное перезахоронение И. Надя и его соратников. Несмотря на советы Гроса и запреты врачей, Кадар буквально прорвался на заседании ЦК 18 апреля 1989 г., чтобы выговориться. Это была отчаянная попытка человека с распадающимся сознанием защитить себя. Его странная, путаная речь была, конечно, проявлением прогрессирующей болезни, но в ней была определенная логика. В Венгрии психоаналитики и историки многократно анализировали запись этого выступления. Какие можно сделать выводы? Кадар не отказался от социализма. Но подчеркнул, что не был советским агентом. Сказал, что в 1956 г. термин “контрреволюция” появился не сразу, сначала была студенческая демонстрация, переросшая в восстание. Избегая касаться темы казненного премьер-министра, он все-таки назвал его имя, отметив, что погиб не один Надя, до него в событиях погибли многие. Он, Кадар, не уклоняется от ответственности, ему жаль всех погибших.

После этой речи, оставившей гнетущее впечатление у членов ЦК, многие из которых помнили Кадара в зените славы, руководство ВСРП, ссылаясь на мнение четырех профессоров-медиков, освободило Кадара от поста председателя партии и вывело из состава ЦК. Когда его жена, Мария Кадар, сообщила ему об этом, больной старик спросил, а это еще та партия, которую он создавал? Янош Кадар умер 6 июля 1989 г. Странная мистика проявилась в том, что именно в этот день Верховный суд реабилитировал И. Надя.

В ходе обсуждения было отмечено, что в нынешней Венгрии 100-летний юбилей Яноша Кадара отметили только левые силы, прежде всего две небольшие партии – преемницы бывшей ВСРП, а также ветераны-коммунисты. В Институте политической истории, принадлежащем Венгерской социалистической партии, прошел “круглый стол”, на котором имели возможность высказаться как единомышленники Кадара, так и его противники. Как заявил директор этого института Д. Фёльдеш, организаторы хотят не памятник поставить Я. Кадару, а объективно разобраться с его наследием.

Игнорировать юбилей такого крупного политического деятеля в Венгрии было бы трудно. Но официальные круги замалчивали это событие. В проправительственных СМИ прозвучали привычные обвинения Кадара в предательстве идей революции 1956 г., в забвении национальных интересов и угодничестве перед Москвой. После отказа от оценки событий 1956 г. как контрреволюции, совершенного венгерским парламентом в 1990 г., на Я. Кадара и партии социалистического толка льются потоки грязи. Я. Кадара называют диктатором, палачом или трусливой марионеткой, выполнявшей команды Кремля. При этом пропагандистская машина нынешнего правоконсервативного правительства целится не только персонально в Я. Кадара, но и в весь социалистический период истории Венгрии, который оценивается как годы иностранной (советской) оккупации Венгрии.

Разумеется, в венгерском обществе, особенно среди ученых и специалистов, будут продолжаться дискуссии о послевоенном развитии Венгрии, о событиях 1956 г., об эпохе Я. Кадара и последовавшей смене общественного строя. В определенном смысле – это их внутреннее дело. Однако приходится сожалеть, что навязывается только одна точка зрения, в головы молодого поколения вдалбливается антикоммунистическая и антисоветская версия. Поскольку в этих дебатах затрагивается роль Советского Союза, искажается характер взаимоотношений двух наших стран, содержание их сотрудничества в послевоенный период, эта проблематика касается и нас, российских историков, политологов и экономистов. Проведение в ОМЭПИ ИЭ РАН “круглого стола” в связи со 100-летием со дня рождения Я. Кадара, посвященного его реформам, отношениям между нашими странами, вполне естественно и объяснимо, так как опыт венгерских преобразований весьма интересен нам со многих точек зрения.